

УДК 343.132

Недопустимые методы допроса: регламентация по уголовно-процессуальному законодательству России и зарубежных стран

Байбиков Р.Р.

Аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящена проблеме применения недопустимых методов при проведении допроса на стадии предварительного расследования. Автор проводит сравнительно-правовой анализ регламентации допроса в части неприменения насильственных методов, влияющих на волю и сознание допрашиваемого с целью получения от него нужных показаний. Исследуются такие процессуальные источники, как УПК РФ 2001 г., УПК РСФСР 1960 г., Устав уголовного судопроизводства 1864 г., УПК ФРГ, Третья Женевская Конвенция 1949 г., законодательные акты США, УПК Грузии и проект УПК, подготовленный А.С. Александровым.

Ключевые слова: уголовный процесс, сравнительное право, допрос, недопустимые методы, УПК ФРГ, уголовный процесс США, УПК Грузии.

Российскую общественность в 2012 г. возмутили новости о применении жесточайших пыток во время проведения допроса в ОП № 9 «Дальний» УМВД России по г. Казани в отношении Сергея Назарова [1]. Как утверждалось, теперь уже бывшими сотрудниками правоохранительных органов, «асоциальный» и неоднократно судимый гражданин С. Назаров совершил кражу сотового телефона. Казалось бы, подозрение в совершении такого преступления, которое не относится к категории тяжких, не предполагает применения серьезных мер к подозреваемому и должно проводиться строго в рамках процессуального законодательства. Однако С. Назарова не просто избивали, его пытали и насиловали бутылкой от шампанского, чтобы выбить показания и признаться в совершенной краже. В результате – Сергей Назаров скончался от разрыва прямой кишки и полученных травм. Скандальная новость получила широкий резонанс в средствах массовой информации и эти «оборотни в погонах» получили реальные сроки лишения свободы. Эта история с гражданином Назаровым вскрыла огромнейшую проблему не только правоприменительной деятельности компетентных органов, но и серьезные пробелы отечественного уголовно-процессуального законодательства.

Как известно, одним из характерных признаков правоохранительной деятельности является ее

четкая регламентация в законе и строгое соответствие нормам процессуального законодательства [2, с. 19]. Но если в законе отсутствует запрет, то, стало быть, и можно, главное – выполнять месячный план раскрываемости и соответствующим образом отчитываться начальству о результативности работы. Удивительно, что проблема применения пыток или иного давления при проведении допросов культивировалась в нашей стране длительное время, при этом не были проведены никакие изменения в УПК РФ. Возникает ощущение, что общество негласно согласилось, что при проведении допросов необходимо применять истязания, пытки, давление на допрашиваемое лицо, как единственно эффективный метод по выбиванию «нужных» показаний. Еще больше пугают результаты анкетирования И.Г. Смирновой, согласно которым 12,7 % следователей и дознавателей допускают возможность применения физического принуждения к подозреваемым и обвиняемым [3, с. 41]. А ведь сколько следователей и дознавателей ответило на этом анкетировании иначе, будучи в душе уверенными, что применение данных методов не просто допустимо, но иногда и оправдано. История с отделом полиции «Дальний» в Казани стала лишь верхушкой айсберга, показавшейся на поверхности, но корни этой проблемы лежат глу-

боку внутри. И таких как Сергей Назаров в России очень много, но далеко не все из них становятся достоянием общественности. Так, в мае 2015 г. стало известно о том, что в Волгограде суд отказал в возбуждении дела в отношении сотрудников полиции по иску Рашида Ишеева, которого на допросе пытали с применением тока [4]. В сентябре 2015 г. сообщили об осуждении сотрудников полиции отдела «Заречный» Свердловской области, которые применяли физическое и психологическое насилие к задержанным [5]. И таких случаев – масса. Почему наши законодатели и профильные министры не выступают с инициативой о внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс в части правовой регламентации допроса? Почему до сих пор не появилась норма, запрещающая применять те или иные методы допроса?

Нормы действующего УПК РФ, запрещающие некоторые методы ведения допроса, условно можно разделить на три группы в зависимости от того, насколько общими они являются:

1) Положения содержащейся в главе о принципах уголовного процесса ст. 9 УПК РФ, согласно которой «запрещается осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению»;

2) Положения, содержащиеся в ст. 164, посвященной общим правилам производства следственных действий, согласно которой «при производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз, иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц»;

3) Положения ст.ст. 187-190, которые относятся к регулированию непосредственно допроса, устанавливают его продолжительность, содержат положения о следственной тактике и т.д.

Если внимательно посмотреть на каждую из этих групп, можно прийти к выводу, что российский законодатель свел перечень недопустимых действий в отношении допрашиваемых к запрету задавать наводящие вопросы, установив при этом продолжительность допроса, а также запрету насилия, угроз, создания опасности для жизни и здоровья допрашиваемого, унижения его чести и достоинства.

Интересно в этом плане взглянуть на предшествующий действующему УПК, который действовал более 40 лет. Ст. 141.1 УПК РСФСР 1960 г. предусматривала применение звукозаписи при допросе, как одну из гарантий неприменения физического или психического насилия. Примечательно, что ре-

шение о применении звукозаписи мог принять не только следователь, но и допрашиваемое лицо. Не допускалось частичное записывание следственного действия, равно как склонить допрашиваемое лицо повторить ту или иную фразу под запись звукозаписывающего устройства. После чего звукозапись воспроизводилась допрашиваемому, который подписывался о ее достоверности.

При внимательном изучении УПК РСФСР 1960 г., мы не увидим норм, запрещающих применять пытки, насилие или иное воздействие на допрашиваемых с целью получить необходимые показания. Это было невозможно представить в социалистической стране, где человек человеку был друг и все старались во благо строительства коммунизма. Обратим ваше внимание на тот факт, что УПК РСФСР в ст. 2 ставил перед собой задачи – быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Предыдущий УПК не устанавливал роль следователя как хозяина досудебной стадии, как это де-факто является сегодня. Следователь просто не мог отказать допрашиваемому в его праве на ведение звукозаписи допроса. Была четко прописана процедура и правовой статус каждого участника допроса.

Нельзя не уделить внимания такому знаменательному и уникальному источнику российского права, как Судебные Уставы 1864 г. Масштабы судебной реформы были ознаменованы привлечением широкого круга специалистов, от членов Государственного совета, министров, чиновников до судей, профессоров и секретарей уездных судов [6]. В рамках рассматриваемой проблемы использования физического и психологического давления на допрашиваемого с целью получения нужных показаний мы обращаемся к Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., который, как справедливо отмечал немецкий ученый Карл Миттермайер, «стоит даже выше многих новейших законодательных работ» Европы того времени [7]. Несомненно, отличительной особенностью Устава уголовного судопроизводства 1864 г. является его переход от средневековой теории формальных доказательств к объективной (материальной) истине. Истина должна быть достигнута реальным положением дел, а не формальным отражением позиции обвинения, что наблюдается на современном этапе отечественного уголовного процесса. Была ли необходимость следователю применять пытки или иным способом оказывать давление на допросе? Устав уголовного судопроизводства в ст. 405 четко и ясно закрепляет, что «следователь не должен домогаться до сознания обвиняемого ни обещаниями, ни ухищрениями, ни угрозами или

тому подобными мерами вымогательства». Если же обвиняемый отказывался отвечать на вопросы, следователь должен изыскать другие законные средства к открытию истины (ст. 406). Таким образом, Устав уголовного судопроизводства запрещал такие методы допроса, как обман, дача следователем ложных обещаний обвиняемому, угрозы и иные схожие методы. Следователю необходимо было проявить смекалку и творческий подход, чтобы вывести допрашиваемое лицо на путь дачи истинных показаний. Обратим внимание на то, что Устав уголовного судопроизводства не содержит прямого запрета на применение физического принуждения к даче показаний, однако расширительное толкование ст. 405 дает основание полагать, что ни психическое, ни физическое принуждение не допустимо.

Подводя промежуточные итоги сравнительного анализа отечественных уголовно-процессуальных актов в части запрета на применение пыток и насилия на допросе, мы обнаруживаем, что наибольшее значение такому запрету придавалось в Российской Империи. УПК РСФСР 1960 г. не содержал никаких запретов, но наличие взаимного права на применение звукозаписи как следователем, так и допрашиваемым, дает основание полагать, что унижения чести и достоинства, подобные тем, что имели место в отделе полиции «Дальний», в советское время не были и не могли быть. Ныне действующий УПК содержит крайне скудный и чрезмерно абстрактный перечень недопустимых методов допроса. Между тем, зарубежная наука уголовного процесса уже далеко ушла вперед в данном направлении.

Представляется целесообразным обратиться к зарубежному опыту регламентации запрета на применение пыток, физического и психического принуждения при производстве допроса. Актуальность защиты личности, чести и достоинства лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, побудило западных процессуалистов разработать положения, которые оградили бы заведомо слабых участников от представителей стороны обвинения.

Наиболее образцовым и показательным является УПК Федеративной Республики Германии, включающий в себя ст. 136а, которая так и называется «Запрещенные методы допроса» (*Verbotene Vernehmungsmethoden; Beweisverwertungsverbote*). Немецкий законодатель предусмотрел 6 недопустимых методов ведения допроса. Представляется необходимым коротко рассмотреть каждый из них.

Первым из них является истязание (ч. 1 § 136а УПК). Данное понятие определяется как «существенное ухудшение физической целостности и самочувствия вследствие дурного, неадекватного обращения» (BGHZ 14, 269 к § 223, 1 альтернатива Уголовного уложения). Они осуществляются как при нанесении побоев, так и при использовании таких методов, как лишение сна, пищи и тепла,

воздействие яркого света и шума (Löwe/Rosenberg-Gleß, StPO, § 136а Rn. 22). В этом плане определенный интерес представляет разъяснение Верховного Суда ФРГ (BGH St. 15, 187) по следующему делу: «Подсудимый убил трехлетнего сына после ссоры с женой и ее родителями. Во время допросов ему угрожали тем, что покажут труп ребенка, если он не расскажет, как совершил деяние. Сквозь слезы он просил не делать этого. Тем не менее, его доставили в морг и, несмотря на его возражения, подвели к трупу сына, после чего он был полностью сломлен и в письменном виде признал свою вину».

Вторым запрещенным методом ведения обвинения является его переутомление, которое, исходя из судебной практики, учитывается в контексте данного положения, только если оно является экстремальным и влияет на свободу воли, причем причина переутомления может быть не связана с допросом; достаточно того, что допрашиваемое лицо использует состояние допрашиваемого для получения сведений (BGHZ 1, 376; 12, 332). Однако при этом не запрещены продолжительные или ночные допросы (BGHZ 13, 60; BGH NStZ 1999, 630). 24 часа без сна не являются основанием для применения данного положения (BGH NStZ 1984, 15). В противоположность этому положению в ч. 2, 3 ст. 187 УПК РФ продолжительность допроса ограничена. Значительный интерес в этом отношении представляет разъяснение Верховного Суда ФРГ (BGH St 13, 60, 61), согласно которому утомление имеет место, в частности, в том случае, когда «обвиняемый в последние 30 часов перед признанием своей вины был лишен сна». Однако данное предписание не действует в том случае, когда обвиняемый имел возможность сна, но не воспользовался ею, например, в связи с душевным волнением.

Третьим недопустимым методом ведения допроса является физическое воздействие. Подразумевается любое воздействие на тело обвиняемого, включая воздействие, не вызывающее боли и не имеющее последствий (см.: Meyer-Göbner, StPO, 55. Aufl. 2012, § 136а Rn. 9). Как правило, это понятие пересекается с понятиями истязаний, причинения физических мучений или введения веществ в организм.

Четвертым запрещенным методом является введение веществ в организм, при этом способ введения и агрегатное состояние вещества не играют роли. Если обвиняемый находится под действием таких веществ во время допроса, допрашиваемое лицо не имеет права воспользоваться ситуацией, даже если обвиняемый сам принял эти вещества перед началом допроса (Löwe/Rosenberg-Gleß, StPO, § 136а Rn. 32). Однако обвиняемые, находящиеся под воздействием алкоголя, могут допрашиваться, если это не влияет на свободу их воли и они обладают процессуальной дееспособностью (BGH MDR 1970, 14).

Пятым недопустимым методом ведения допроса является причинение физических и психических страданий. Данное понятие определяется как продолжительное или повторное причинение физических или психических страданий, в частности, посредством обращения, унижающего достоинство, например, в форме повторных оскорблений (Meurer-Göbner, StPO, 55. Aufl. 2012, § 136a Rn. 11).

Шестым запрещенным в Германии методом ведения допроса является обман или гипноз. Обманом является только сознательное введение в заблуждение (BGHZ 31, 395; BGHZ 35, 328). Оно может касаться как юридических вопросов (например, утверждение, что обвиняемый допрашивается в качестве свидетеля, тогда как в действительности он допрашивается в качестве обвиняемого; утверждение, что обвиняемый обязан давать показания; утверждение, что отказ от дачи показаний означает признание вины), так и фактических обстоятельств дела (например, утверждение о наличии неоспоримых доказательств вины; утверждение, что соисполнитель признался в совершении преступного деяния) или намерений допрашивающего лица (например, утверждение, что дача показаний не повлечет за собой негативных последствий для обвиняемого). Следует разграничивать обман и так называемую криминалистическую хитрость, которая может заключаться в формулировке вопросов или двусмысленных высказываниях, а также в симуляции симпатии, но не в отклонении от истинных обстоятельств дела. Умолчание о фактах и правах не является обманом (BGHZ 39, 335; BGH NStZ 1997, 251).

Необходимо также отметить и еще один недопустимый метод ведения допроса, как обещание не предусмотренных в законе привилегий. Господствующая немецкая доктрина исходит из того, что этот запрет касается, прежде всего, случая, когда органы уголовного преследования обещают обвиняемому гораздо более благоприятное для него развитие процесса, если он признает свою вину, например, освобождение из-под стражи, прекращение уголовного дела. При этом Конституционный Суд ФРГ отметил в своем постановлении, что компетентным органам разрешается указать обвиняемому на возможные последствия того или иного поведения во время дачи показаний, так как в данном случае речь идет не об обещании каких-либо благ, а о разъяснении принадлежащих ему благ.

Гуманистический подход немецких законодателей в части допроса дополняется ч. 2 ст. 136а, которая запрещает применять меры, влияющие на память и сознание допрашиваемого лица. Интересна в этом плане и ч. 3, которая запрещает применять методы, запрещенные ч.ч. 1 и 2 данной статьи даже в том случае, если допрашиваемое лицо дало согласие на применение таких методов. Представляется, что судебная практика ФРГ прошла долгий путь от

применения различных недопустимых методов ведения допроса до введения прямого запрета на них. Использование показаний в судебном процессе, полученных при помощи запрещенных методов допроса, будет считаться недопустимым.

Ситуация с запрещенными методами в США имеет свои национальные и исторические особенности. Необходимо начать с того, что правовое регулирование допустимых и запрещенных методов допроса различно для органов, осуществляющих предварительное расследование, и военнослужащих, хотя и имеет некоторые сходные положения [8]. Существенное различие заключается в том, что использование информации, полученной с помощью физического и психического воздействия на допрашиваемых лиц, недопустимо в судебном разбирательстве, однако попытки были санкционированы правительством США в некоторых военных случаях. До 30-х гг. XX в. полиция США активно использовала такие методы допроса, как слезотечение, применение угроз и насилия. Однако после проведения Заседания Национальной комиссии по правовому регулированию и соблюдению законов (National Commission on Law Enforcement and Observance 1931), а также нескольких постановлений Верховного Суда США (начиная с дела *Brown v. Mississippi*, 297 U.S. 278 (1936)), запрещаящих жестокие методы ведения допроса, применение физического и психического насилия начало снижаться.

До 2009 г. в Соединенных Штатах Америки широко применялась практика применения различных методов ведения допроса, многие из которых критиковались правозащитными организациями как слишком жестокие по отношению к допрашиваемым лицам. Известны такие методы допроса, как лишение сна, битье человека головой об стену, насмехаться над допрашиваемым и лишать его одежды, допрос больше 20 часов с использованием личных фобий допрашиваемого для достижения стрессового состояния, нанесение ударов пистолетом или другими объектами, принуждение слушать громкую музыку в течение продолжительного времени и имитация утопления [9]. Кроме того, дополнительные известные судебной практике методы допроса включали в себя заковывание задержанного в болезненной позе голым на длительный период времени (*O.K. v Bush*, 377 F. Supp. 2d 102.), угрозы депортацией и изнасилованием, заключение задержанного в одиночной камере (*Paracha v Bush*, 374 F. Supp. 2d 118) или в маленькой коробке [10]. Данные методы активно применялись в комбинированном виде и способствовали получению показаний, а иногда и самооговоров задержанными.

В 2009 г. Президент США Барак Обама подписал указ № 13491 [11], предписывающий всем, кто официально уполномочен проводить допрос, руководствоваться *Army Field Manual* (AFM). Данный акт,

регулирующий преимущественно допросы во время боевых действий, содержит 19 тактических приемов проведения допроса и запрещает 9 методов. К ним относятся: 1) принуждение задержанного быть голым, совершать с ним сексуальные контакты; 2) одевание мешка на голову задержанного; 3) использование липкой ленты в области глаз задержанного; 4) применение насилия в виде нанесения побоев, использования электрошокеров, поджигания задержанного, а также иные формы физической боли; 5) «*Waterboarding*» (т.н. имитация утопления задержанного); 6) использование военных собак; 7) использование гипотермии или получение солнечного удара; 8) имитация казни; 9) лишение еды, питья или медицинского обеспечения задержанного.

Наибольший интерес для российского читателя представляет такой метод допроса, как «*waterboarding*», получивший широкое распространение в США. Суть данного метода заключается в том, что допрашиваемое лицо связывается и кладется на спину (как правило, на стол), после чего на запрокинутую голову надевается марлевая повязка или другая похожая ткань, затем в область рта и дыхательных путей допрашиваемого выливают воду. При этом человек начинает задыхаться и ему кажется, что он тонет. Различные вариации данного метода включают в себя положение сидя на стуле, а также в подвешенном состоянии. Между тем, необходимо отметить, что кандидат в Президенты США Дональд Трамп в одном из своих обращений в СМИ отметил, что в связи с многочисленным наплывом беженцев из Сирии, представляющим угрозу американскому народу, будет отстаивать необходимость возвращения в методику проведения допросов имитацию утопления [12].

На сегодняшний день сотрудникам полиции США запрещается использовать физическое или психическое принуждение при проведении допросов. Признание информации, полученной путем использования запрещенных методов, недопустимо в суде. К примеру, полиция не может использовать методы пыток, угроз, наркотического опьянения или бесчеловечное обращение во время допроса [13].

Новый УПК Грузии вслед за российским Уголовно-процессуальным кодексом не включил в свою структуру статью, посвященную запрещенным методам ведения допроса. Однако, согласно ч. 2 ст. 243, при наличии обоснованного предположения, что свидетель подвергся принуждению, угрозам, устрашению или подкупу, и в данных им показаниях имеются существенные противоречия, любая из сторон вправе заявить ходатайство о публичном зачитывании показаний свидетеля, а также заслушивании (демонстрировании) аудио- или видеозаписи его показаний. Толкование данной статьи дает нам право предполагать, что при проведении допроса в Грузии ведется обязательные

аудиозапись или видеосъемка, обеспечивающие и подтверждающие надлежащее исполнение лицом, ведущим допрос, своих профессиональных обязанностей и неприменение к допрашиваемому лицу незаконных методов и тактических приемов воздействия с целью получения нужных ему показаний [14]. Более того, привычный всем нам допрос, осуществляемый следователем в порядке ст.ст. 187-190 УПК РФ, в Грузии проводится судом (судьей-магистратом). Тем самым, де-юре и де-факто центр тяжести при проведении такого важного и наиболее часто применяемого следственного действия от органов предварительного расследования сместился к независимому суду.

Данную концепцию проведения допроса только судом отразил в своем проекте УПК РФ профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД РФ А.С. Александров [15]. Связано ли это с тем, чтобы предотвратить применение физического и психического воздействия на допрашиваемое лицо? Возможно, да. Согласно ч. 1 ст. 13.1 проекта УПК, показания, имеющие доказательственное значение, могут быть получены только в суде.

Таким образом, пытки и иное физическое или психическое воздействие недопустимы и не должны применяться в ходе предварительного расследования. Нами были проанализированы предыдущие отечественные уголовно-процессуальные законы для того, чтобы показать – как защищалась личность от различного рода злоупотреблений должностными лицами при проведении такого важного следственного действия, как допрос в нашей стране в различные периоды истории. Мы провели сравнительно-правовой анализ ряда зарубежных УПК, чтобы выяснить актуальность данной проблемы и пути ее решения. В частности, позитивный опыт Федеративной Республики Германии можно было бы рецепировать в наше уголовно-процессуальное законодательство. Однако подчеркиваем, что любое заимствование должно быть лишено бездумного механического копирования норм зарубежного права. Проект Нижегородской академии МВД РФ показывает, что институт допроса нуждается в серьезном переосмыслении. Во многом видение профессора А.С. Александрова совпадает с грузинской моделью регулирования допроса. Наше сравнительно-правовое исследование позволяет сделать вывод, что проблему применения пыток или иного физического и психического принуждения можно решить двумя путями. Первый путь заключается в прямом запрете применения тех или иных методов допроса – на примере ФРГ и США. При этом должны быть разработаны четкие инструкции о методике проведения допроса, должны внедряться последние нововведения в области социальной психологии. Второй путь предполагает системные изменения всего уголовного процесса в целом. Не секрет, что следователь

является де-факто «хозяином» досудебной стадии уголовного процесса, и в понятии «уголовное судопроизводство» всё меньше места отводится суду и судебной стадии. Необходимо пересмотреть всю стадию предварительного расследования, систему следственных действий, а также восстановить нарушенный баланс между досудебной и судебной стадией таким образом, чтобы любой участник уголовного судопроизводства чувствовал себя защищенным от различного рода посягательств должностных лиц. Как вариант, изменить процедуру допроса таким образом, чтобы допрашивал только суд, как это было реализовано в Грузии, а также воплощено в проекте УПК А.С. Александра.

Однако какое бы ни было принято решение, очевидно, что оставлять бесчеловечные выходы дознавателей и следователей зачастую в отношении простых граждан – просто недопустимо.

Литература:

1. Убийный отдел – материалы сайта «Российская газета». – URL: <http://www.rg.ru/2012/03/14/police.html> (дата обращения: 18.01.2016 г.).
2. Газетдинов Н.И. Правоохранительные органы Российской Федерации: учеб. – Казань: Казанский университет, 2012. – 302 с.
3. Смирнова И.Г. Уголовное судопроизводство в свете социологического исследования: взгляд со стороны обвинения // Российский судья. – 2013. – № 11. – С. 41-44.
4. Суд в Волгограде признал законным отказ в возбуждении дела о пытках током в полиции. – URL: <http://zona.media/news/bil-li-tok/> (дата обращения: 18.01.2016 г.).
5. В Свердловской области возбуждено уголовное дело против шестерых высокопоставленных полицейских, которых подозревают в применении пыток к задержанным. – URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1535316/?fb#ixzz3xasXLwB2> (дата обращения: 18.01.2016 г.).
6. Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. I // Вводная статья стр. II. – СПб., 1866. – 102 с.
7. Миттермайер К. Новый проект русского уголовного судопроизводства // Журнал Министерства юстиции. – 1864. – Т. 22. – С. 16-47.
8. Costanzo M., Redlich A. Use of Physical and Psychological Force in Criminal and Military Interrogations // School of Criminal Justice. – 2010. – P. 3. – URL: <http://www.albany.edu/scj/document/s/3CostanzoRedlichUseofPhysicalandPsychologicaIForceinCriminalandMilitaryInterrogations01-04-0.pdf> (дата обращения: 18.01.2016 г.).
9. U.S. Dept. of Justice, Office of Legal Counsel, CIA Memo, 2002, Aug. 1. – URL: http://image.guardian.co.uk/sys-files/Guardian/documents/2009/04/16/bybee_to_rizzo_memo.pdf (дата обращения: 28.01.2016 г.).
10. Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners.shtml (дата обращения: 18.01.2016 г.).
11. Executive Order 13491, Ensuring Lawful Interrogations, 2009, Jan. 22. – URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/EnsuringLawfulInterrogations (дата обращения: 28.01.2016 г.).
12. Trump D.: I'll bring back waterboarding to stop the Syria refugee 'Trojan Horse'. – URL: <http://www.rawstory.com/2015/11/donald-trump-ill-bring-back-waterboarding-to-stop-the-syrian-refugee-trojan-horse/> (дата обращения: 28.01.2016 г.).
13. Police interrogations. – URL: <http://criminal.findlaw.com/criminal-rights/faqs-police-interrogations.html> (дата обращения: 28.01.2016 г.).
14. Байбиков Р.Р. Правовое регулирование допроса в Грузии: сравнительно-правовой анализ // Сборник аспирантских научных работ юридического факультета КФУ. – 2015. – С. 22-25.
15. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации. – URL: <http://www.iuaj.net/node/1766> (дата обращения: 28.01.2016 г.).

**Prohibited Methods of Interrogation: Regulation Based
on Criminal Procedure Legislation of Russia and Foreign Countries**

R.R. Baybikov
Kazan (Volga Region) Federal University

The paper deals with the problem of using prohibited methods of interrogation on preliminary. The author carries out the comparative analysis of regulations of interrogation, concerning the non-application of violence affecting the will and consciousness of the interrogee to take necessary evidence. The Russian Federation Code of Criminal Procedure (2001), RSFSR Code of Criminal Procedure (1960), Statute of Criminal Procedure (1864), Code of Criminal Procedure of Federal Republic of Germany, Geneva Convention Relative to the Treatment of Prisoners of War (1949), criminal procedure acts of the USA, the Georgian Georgia Code of Criminal Procedure and Criminal procedure code project by A.S. Alexandrov are analyzed.

Key words: criminal process, comparative law, interrogation, prohibited methods, Code of Criminal Procedure of Federal Republic of Germany, criminal process of the USA, the Georgian Georgia Code of Criminal Procedure.

